Текст · 5 апреля 2022, 07:41
Алла Константинова, Елизавета Нестерова,

«Гранаты, выстрелы, слезоточивый газ не остановили людей». Мэр Славутича — о том, как город-спутник ЧАЭС превратился в «автономную общину»

Мэр Славутича старше своего города — самого молодого в Украине — всего на 10 лет, сейчас Юрию Фомичеву 45. Семь из них он руководит городом технической интеллигенции на границе с Беларусью, в который месяц назад вошли российские войска. Фомичев рассказал «Медиазоне», как попал в засаду и стоял со связанными руками в лесу, почему до сих пор пытается переубедить родственников в России и какие «сувениры» российские солдаты увезли с собой из Чернобыльской зоны.

«Думаю, был расчет на то, что здесь будет поддержка, что город к России благосклонен». Вторжение

Славутич — самый молодой город Украины, 35 лет будет в этом году. Мы такой себе, знаете, последний памятник Советскому Союзу. Город строился после Чернобыльской трагедии очень быстрыми темпами, но строился всей той большой страной. И каждая [социалистическая] республика, которая участвовала в этом — их всего было восемь — старалась сделать что-то в своем аутентичном архитектурном стиле, показать самое лучшее, что у них есть.

Поэтому у нас есть Прибалтика — таллиннский, рижский, вильнюсский кварталы. У нас есть Кавказ — это Ереван, Баку, Тбилиси. Есть Россия — Москва, Ленинград, сейчас это Санкт-Петербург, мы переименовали в Невский квартал. Украина есть. И вот все эти республики в своих архитектурных стилях и строили [город], поэтому у нас действительно очень интересно: можно увидеть границу, например, между Арменией и Азербайджаном вживую. В ереванском квартале во дворах стоят огромные мангалы, на которых сейчас — ну, до войны — люди жарили шашлык, люди выходили и пользовались ими, и это было нормально. Есть тбилисский квартал: в квартирах есть мангальная комната вообще, потому что там так живет население.

Мы проводим много мероприятий урбанистических, архитектурных. В прошлом году, невзирая на ковид, у нас была ассамблея европейских архитекторов, 250 молодых европейских архитекторов приезжали, тут всякие мастер-классы и коворкинги проводили.

Город этим славится, славится своей урбанистической частью, но и по планировке он очень комфортный, очень просторный, с большими площадями, с широкими проспектами, с сумасшедшей инфраструктурой. На маленький город — 25 тысяч человек — у нас чего только нет: два бассейна, спорткомплексы, Дворец спорта, школа искусств, дом детского творчества, киноконцертный комплекс, конноспортивная база и яхтклуб. И все это в маленьком городе, все функционирует и всем этим можно пользоваться каждый день. Каждый детский сад с бассейном!

И вот на такой город напали российские войска, чтобы я не знаю, что делать... Кого-то «спасать». Я думаю, мы просто были белым пятном на оккупированной территории, им просто нужно было обозначиться, что они здесь побывали. Может, были дальнейшие планы по смене власти, потому что город строили многие республики, и у нас русскоязычного населения очень много.

Очень много русских из России, а в целом в городе 50 национальностей, можете себе представить — в маленьком городе 50 национальностей проживает! Я думаю, был какой-то расчет, в том числе и на то, что здесь будет какая-то поддержка, потому что город, вроде, должен быть к России благосклонен. Но это уже не работает, не работает с первого дня вторжения.

Детский сад «Журавлик», Ереванский квартал. Фото: Лилия Кириченко

Мы не ждали этого вообще. Мы понимали, что, может, через ДНР и ЛНР будет какое-то расширение территории, но что это будет вторжение по всей территории Украины... То, что будут бомбить Чернигов, который наш родной, рядом с нами! Это был шок для всех, эта эмоция на века.

Мои два старших сына — одному 26 лет, второму 19 — они в это время были в Киеве, ну и мы там договаривались, что, если вдруг что, старший младшего подстрахует. Но все это было просто в разговорах, без каких-то серьезных переживаний, что

это может на самом деле произойти. И вот в ночь позвонил младший сын, сказал: «Я собираюсь, меня брат ждет». Я ничего не понял, позвонил старшему. Он говорит: «Мы забираем младшего и едем из Киева на запад Украины». Вот в этот момент я понял, что все на самом деле началось.

У моей жены вся родня из России — ее отец работал на ЧАЭС, потом решил, что он уедет на другую станцию и нашел себя в России. Они уехали, а мы остались здесь с детьми. Говорю же, мы последний памятник Советского Союза — сборная солянка со всех республик.

Мы общались [с родственниками из России], первые дни пытались убеждать их, что-то рассказывать. Но это практически не получилось. Я им объясняю: «Ну вы понимаете, что ситуация сейчас объективно следующая — 40 миллионов человек вас просто дико ненавидят. Неважно, имеете вы отношение к войне или нет — за ваше молчание вас ненавидят. За то, что вы боитесь автозаков. Ненавидят за то, что вы платите налоги, на которые содержится эта армия, которая убивает наших детей. И еще несколько миллиардов в мире вас презирают». И даже это не пробивает — или очень сложно пробивает — старшее поколение особенно. Родной отец жены говорит: «Да потерпите, скоро все закончится, поверьте, там вас спасают». Ушел за российским кораблем, даже от внуков.

Раз в неделю от родных звонок с вопросом, как мы там. А как мы там? Нас бомбят, убивают. Они вроде сочувствуют, но их это напрягает. У нас эмоция дикая, а они не могут ничего с этим сделать. И пытаются

уходить от этого: лучше не позвонить лишний раз, чем получить эту ненависть, это презрение. Хотя попытки были, я должен быть объективным: кто помоложе — братья, сестры — даже пытались там на какой-то пикет выходить.

«Они были обескуражены, что на них прет священник». Танки и стрельба на митинге

Славутич фактически с первых дней [вторжения России] в оккупации, мы же на границе с Беларусью, у нас 20 километров до границы. И войска сразу же вошли на эту территорию, оккупировали все вокруг, пытаются захватить Чернигов. Взорвали все мосты, по которым мы могли бы переезжать реки, осталась только дорога через Чернигов, а город в жесткой войне и понятно, что через него проехать просто невозможно.

Последние дни [российские военные] немножко отступили, но бомбежки ежедневные. Через три дня [с начала войны] мы получили отрезанную дорогу, где уже выстроились российские оккупанты, и не могли проезжать за продуктами, медикаментами. Ну и понятно, что люди сами не могли свободно передвигаться, уезжать из города или, наоборот, въезжать.

На митинг местные жители вышли 26 марта. За три дня мы получили ультиматум от оккупантов: не сопротивляйтесь — мы войдем в город и никому не причиним вреда.

Мы все-таки, невзирая на то, что территории вокруг оккупированы, шли через тропы, через лес, чтобы привозить какие-то продукты питания в соседние села, медикаменты и прочие необходимые вещи. Был запрос от села небольшого о том, что у них нет определенных медикаментов, они просили о помощи. И один из волонтеров вызвался, сказал: «Ну окей, я поеду», — невзирая на то, что оккупационные войска уже были там. Сказал: «Я поеду с белым флагом с красным крестом».

Юрий Фомичев. Кадр: TV MediaDom Slavutich / Facebook

Ему разрешили завезти медикаменты в село, но с ним передали информацию: «Скажи властям, что мы не будем причинять вреда, если сдадутся и не будут с нами воевать», — это было неприемлемо для нас как для территориальной обороны, как нацполиции. Это военные люди, поэтому это дело чести, никто не будет сдаваться в этой ситуации.

Единственное, что мы для себя определили — это что мы держим оборону за пределами города. Мы не закрываемся мирными жителями, не ходим в жилые кварталы. У нас нет здесь вооруженных сил Украины, то есть мы защищались исключительно своими силами, силами тех людей, которые здесь, в городе, взяли оружие в руки. Опять же, очень ограниченное количество оружия, потому что завезти его сюда было практически невозможно. Если медикаменты как-то можно было провозить и убеждать блокпосты

российские, то оружие, понятно, никто не пропускал сюда, и оружия было крайне мало.

Мы два дня держали оборону, а когда нас уже прижали вплотную к жилым кварталам, решили — даже не мы, решение принимали военные, всей территориальной обороной, как и вооруженными силами, управляет военный штаб — решили, что бомбить мирных жителей нельзя. Помочь нам тяжелой техникой, каким-то оружием — тоже невозможно, мы на оккупированной территории уже давно. Поэтому договорились, что теробороне нужно уйти, передислоцироваться в другой регион, и они сейчас продолжают помогать уже вооруженным силам. А мы, местные власти, решили, что утром выведем людей на мирный митинг, демонстрируя, что здесь нет военных, что они воюют с мирным населением, с теми, кто обслуживает Чернобыльскую станцию, и с теми, кто ликвидировал последствия ядерной трагедии и спасая их, в том числе.

В день митинга меня как бы похищали, но это было не целенаправленно. Утром я ехал с пригорода. Ну, таков порядок: с учетом тех ситуаций, которые возникали на юге страны — похищения мэров, плюс влияние через семьи — у меня была задача сменить место жительства и спрятать семью. И я ехал с пригорода в город на митинг и знал, где стоят войска российские. Но попал в засаду, как и многие другие люди, въезжавшие в город.

Нас остановили, обыскали, забрали мобильные телефоны, завязали руки за спиной и отвели в лес, где уже стояли другие люди и так же ждали каких-то команд. После того, как посмотрели мой телефон —

там были разные записи и они вызвали вопросы у российских военных — я сказал, что я мэр города, зовите вашего командира.

Кстати, интересный момент был: вот я был с завязанными руками, а военный, который стоял рядом со мной, несколько раз у меня переспросил: «А вы точно мэр?». Я говорю, да, мэр. «А можно с вами сфотографироваться?» — спрашивает. Я говорю: «Я тебе сфотографируюсь». «Извините-извините», — отвечает. Я, вроде, как бы безоружный, ну бери да фотографируйся со мной, если хочешь. Что я тебе сделаю, ты с автоматом! И даже в этот момент он отреагировал так: власть сказала, и он не должен перечить.

И дальше был разговор с командиром. Он был в маске, только глаза видно, назвал только позывной — «Факел». Видно, что человеку минимум лет 50. Это все, что могу сказать про него. Он говорит: «Ну мы же предлагали сдаться». Я ему говорю: «Ну смотри, сдаться мы точно не могли, у меня такие же военные, как и вы, это тероборона, это полиция, это дело чести для них. Но мы не воюем в городе, не прикрываемся мирными жителями, и там сейчас мирный митинг будет». «Нет, мы знаем, там среди мирных — люди с оружием, и они будут по нам стрелять», — говорит. Я говорю: «Хорошо, давайте, едем, я выхожу и первым стреляют в меня, если вы боитесь». Дальше был какой-то диалог, я уже дословно его не помню, по итогам я говорю: «Если начнется стрельба, накрывайте [обстреливайте] меня вместе со всеми». В город я въезжал на российском «Тигре», броневике, вместе с командиром.

Утром люди вышли все на митинг, и это было... Ну я горжусь своим городом, горжусь своим населением, своими людьми, потому что это были тысячи и тысячи людей, это было даже для меня неожиданно, я думал, что люди все-таки побоятся выходить против оружия, против танков, бэтээров, а они не побоялись. И благодаря этому мы не пустили в город остальных военных.

Мы [российских военных] оттеснили, они базировались за чертой города в лесу. Два дня они пробыли там, после этого куда-то исчезли. Дальневосточный полк остался в селах, а к нам входили ОМОН и Росгвардия. Может быть, это связано с тем, что здесь все же город энергетиков.

То, что мы по рассказам слышали от людей в селах, ну это просто ужас — они [военные Дальневосточного полка] бесчинствовали, грабили, просто разрушали села. Сначала они ходили в дома покинутые, где люди убежали от войны, и жили там. Потом, когда продукты начали заканчиваться, начали ходить по домам — отбирать продукты, отбирать мобильные телефоны. Я не знаю, не слышал лично, но разговоры такие были, что искали молодых девушек, ну... С плохой целью, с очень плохой целью. Говорят, уходя — позабирали телевизоры, кофеварки, какие-то элементарные вещи бытовые, которые вообще непонятно, зачем забирать. Но даже это происходило. Это поселок Михайло-Коцюбинское, буквально в нескольких километрах от Чернигова, они там базировались, когда обстреливали Чернигов. У нас такого поведения [российских военных] не было, я должен это признать.

Первые погибшие [украинцы] в городе были в те два дня, что мы держали оборону. Мы их хоронили уже после митинга. Одного нашли буквально позавчера, сегодня[1] были похороны, мы сегодня с ним прощались. Это участники тероборо́ны, четверо погибших.

Есть очень тяжелый раненый с митинга: там применялись светошумовые гранаты, ему осколком попало в голову. Он в плохом состоянии в больнице, мы боремся за его жизнь и очень надеемся, что он выживет. Была еще одна раненая, но с ней все не так тяжело, она в нормальном состоянии. [Применение светошумовых гранат] произошло, когда люди собрались на центральной площади и начали перемещаться в сторону дороги, куда заходила техника, чтобы остановить ее.

Но люди даже этого не испугались, что впечатлило меня и, думаю, многих: что все эти гранаты, все эти выстрелы в воздух, слезоточивый газ вообще не остановили людей никак. Никто не отступил, все продолжали двигаться, вытеснять технику, кричать: «Уходите, вы здесь не нужны!». На митинг вышло точно больше пяти тысяч человек, ну, может, где-то было тысяч семь.

И показательно на митинге прямо выбежал — даже нельзя сказать, что он вышел — батюшка, священник Русской православной церкви московского патриархата с большим деревянным крестом, выгоняя оккупантов с криками: «Снимайте крестики, потому что вы безбожники, вы не христиане!». Это было настолько эмоционально, что это вдохновляло, наверное, всех. Даже вот, казалось

бы, московский патриархат, к которому всегда были какие-то претензии в Украине в части поддержки России. Здесь это сработало с точностью до наоборот.

Российские военные были обескуражены, повторюсь, нам в какой-то степени повезло, что это был не Дальневосточный полк, а все-таки был ОМОН, это более старшие люди, ну, наверное, как-то более интеллектуально подготовленные. Но они были обескуражены, что на них прет священник, и потом мы им уже сказали: «Имейте в виду, это московский патриархат», — и это их просто шокировало.

Знак радиации около Чернобыльской АЭС. Фото: Efrem Lukatsky / AP

«Вот, что сделали они — надышались за месяц радиоактивной пылью». Захват ЧАЭС

Я думаю, что есть шанс немного раскачать [российское общество] сейчас, когда пошли смерти, когда вышли из Чернобыля, там смерти увеличатся в разы, там действительно с интеллектом плохо у российских Вооруженных сил — отправить в Чернобыль, решив, что это самый зеленый коридор для вторжения на Киев! Ну, будут последствия жесткие, очень жесткие, Чернобыльская зона таких вещей не прощает.

Это действительно военный комфортный путь для них был. Чернобыльская зона украинская имеет границу с Беларусью, которая заключается в том, что стоит знак — Беларусь. А с другой стороны знак — Украина. Даже таможни нет, потому что движение в принципе запрещено, и никто эту границу никогда не организовывал. И, наверное, очень высокоинтеллектуальные военные решили: мы вторгнемся здесь, нас никто не остановит, мы пойдем себе прямо на Киев. Тем более, что в Чернобыле люди работают 35 лет, сюда возят экскурсии — по 100 тысяч человек в год приезжают — там все хорошо, ну чего нам бояться. Но Чернобыльская зона требует определенного поведения. Там нельзя ехать на тяжелой технике, поднимая пыль, ею дыша. Вот, что сделали они — они надышались за месяц этой радиоактивной пылью.

Одно дело, когда ты получаешь облучение внешнее. Вот есть источник облучения, ты под него попал, ушел и дальше организм с этим справляется. И совершенно другая история, когда ты надышался радиоактивной пылью. У нас сегодня даже такая фраза проскочила, я ее взял на вооружение: российские войска вышли из Чернобыля, но Чернобыль из них не выйдет уже никогда. Вот в этом была глупость, непонимание, что такое радиация.

Да, сейчас нам придется мыть все дороги в Чернобыльской зоне, отмывать это все в спецсредствах, в спецкостюмах, специальными приборами. Мы знаем, как это делается, еще с 86-го года, а они просто маршем проходили — тысячи единиц техники тяжелой. В Чернобыльской зоне есть места, которые не то что проходить

нельзя, машина быстро проезжает, потому что уровень радиации очень высокий. Я так понимаю, что защиты у них не было, никакую радиацию никто не мерил. Поэтому и склады боеприпасов[2]

там: потому что их не взорвут. Мы же [украинцы] не идиоты, чтобы взрывать в Чернобыльской зоне боеприпасы! Поэтому и вторжение техники массовое было через Чернобыльскую зону. Но чуть-чуть же надо соображать, что такое радиация!

То, что они солдат своих угробили, и то, что жертвы этой войны после Чернобыля возрастут у российской армии в разы без взрывов — это факт. И это будут медленные жертвы, это будут жертвы еще несколько лет. Мы видим это просто по ликвидаторам, которые принимали участие в 86-м году, и эти люди постепенно умирали буквально через два-три года и дальше. Это онкология, это страшные болезни.

«Пытаемся возродить уже как-то жизнь в городе». После отступления российских войск

Сейчас у нас по-прежнему действует комендантский час, мы патрулируем город, следим, чтобы не было мародерства. Все-таки много людей уехали, мы понимаем, что любое общество не святое. В любом обществе есть те, кто будет пытаться пользоваться этой ситуацией, невзирая на консолидацию, когда мы все, вроде бы, объединены. Все равно у кого-то плохие мысли возникают. Мы по-прежнему отрезаны от большой дороги, Чернигов по-прежнему бомбят, мы доставляем продовольствие исключительно такими

тропами в небольших количествах — сейчас два дня дожди были, и эта дорога вообще размыта. Но стараемся обеспечивать население.

Когда будет теплая погода, все вместе выйдем, уберем город от мусора, от веток — когда мы готовили на кострах кушать, когда не было шесть суток электроэнергии, [с тех пор] очень много веток во дворах лежит.

Тем, у кого маленькие дети, было вообще очень тяжело. Моей дочке два года, я просто не знал, как ей быстро еду приготовить, а быстро не получалось.

Мы создали свой колл-центр, куда все обязаны звонить. Есть управление социальной защиты, которое работает с лежачими: они им готовят кушать, приносят домой. Есть те, кто работает с семьями с маленькими детьми: они обеспечивают их питанием, памперсами и прочими делами. А глобально мы работаем над тем, чтобы у всех была еда, чтобы на неделю хотя бы минимальный набор продуктов как-то появлялся — надо их где-то добыть, как-то привезти, разгрузить.

Много волонтеров, добровольцев. Ввели систему карточную на хлеб: раз в три дня каждый может получить хоть маленькую булочку. Сами привозим зерно, мелем в муку и с этого выпекаем хлеб — такая автономная община. Пытаемся возродить уже жизнь в городе, запускаем онлайн-образование для наших учеников. Стараемся, чтобы бизнес начал работать тот, который может. Чтобы была экономика, чтобы были рабочие места, налоги, чтобы город начинал жить.

У нас есть телестудия местная, мы записываем [видеосообщения], это называется «итоги дня от мэра». Я стараюсь в пять часов выходить в прямой эфир, чтобы горожанам немножко рассказать, что происходит, какие планы на следующий день, что нужно сделать, куда прийти. Гуманитарная помощь, какие-то другие вопросы.

Теперь задачи абсолютно всех мэров [украинских городов] существенно изменились. У тех, кто под жестким военным положением, где бомбардировки ежедневные, там задачи, чтобы население выжило. Обеспечить их чем-то минимальным. Каждый день аварии — разрушают газопроводы, линии электропередач, водопроводы, все это просто уничтожается, и им очень тяжело.

Те, кто на территориях не под бомбежками, они, наоборот, организовывают помощь в те регионы, где сложно. Тут важно, чтобы экономика работала, чтобы бизнес работал, чтобы были поступления средств в том числе, чтобы поддержать и армию, и регионы, где крайне сложно. Вот этим занимаются в военное время мэры в Украине. Движение самоуправления местного,

я вам скажу, в Украине настоящее, европейское. Мы практически все друг друга знаем, общаемся, помогаем, если у кого-то возникают сложности — сразу там друзья звонят: «Что нужно? Давайте помогать Славутичу, там, Чернигову, с западных регионов». И это такой хороший движ, который объединяет всех.

Редактор: Агата Щеглова

---

1. 1 апреля.

2. Военно-морские силы Украины сообщали, что российские военнослужащие складируют боеприпасы «в непосредственной близости» от Чернобыльской АЭС, что создает угрозу изоляционным сооружениям станции.